

Фуршетный зал. Ощущение, что здесь собрались все, хотя она точно знала, что пригласили лишь избранных.

Избранных.

В отличие от Поттера, она никогда не сможет смириться с этой меткой, поставленной им обществом. Он был снисходителен, а она раздражалась. Каждый раз, как видела какое-либо упоминание ярлыка рядом со своей фамилией.

Она не была избранной. Она была одной из тех, кто боролся за свою жизнь, кто погреб свою юность, добиваясь того, чтобы будущим поколениям не было так страшно, как было им. Она не была избранной, она самостоятельно сделала свой выбор, как и сотни других.

Сегодня звездный час Кингсли в качестве политика. Сдвиг тектонических плит в истории Англии. Важнейший день в новом тысячелетии для мирового сообщества.

Соединенного королевства больше не существовало. Осталась только Англия. Для них — только Англия.

Спустя десятки переговоров, обещаний и длинных речей Великобритания разрешила внутренний конфликт и разошлась миром.

Это должно было стать новой эпохой. Будто страна, наконец отбросив балласт, смогла подняться на ступеньку самостоятельности.

Бруствер принимал поздравления. Сиял как рождественская ель в канун Нового года.

Четыре премьер-министра, главы политических партий, весь свет английского общества. Все, кто был достаточно известен и имел вес. И Гермиона. Гермиона, которая не причисляла себя ни к одной из категорий. Гермиона, которую буквально заставили прийти. И внимание которой последние десять секунд пытался привлечь Кингсли, издали размахивая рукой, в настойчивой просьбе подойти к нему.

Делая довольно большой глоток из бокала, Гермиона обернулась в надежде увидеть позади себя кого-то более важного, более именитого, более интересного. Да хоть кого-нибудь, кого бы мог звать Бруствер. Она была даже согласна проиграть во внимании официанту, при том, что это могло нещадно ударить по ее самооценке. Но Кингсли не ошибся и не перепутал, и не хотел попросить еще льда, он звал именно ее, потому что, к ее глубочайшему сожалению, на расстоянии ярда вокруг нее никого не было.

Нервно одернув платье в районе бедра, Грейнджер натянула приветливую улыбку и зашагала в сторону компании.

Она знала их всех.

Корнелиус Фадж. Видимо, бывшие министры были еще в почете, раз он оказался в столь коротком списке гостей на данное мероприятие. Он стал толще, полысел равно на половину своей дражайшей шевелюры и уже явно не претендовал на премию «Самый стильный волшебник года», впрочем не было похоже, чтобы его это хоть как-то волновало.

Кларенс Брэгг — председатель Визенгамота. Жесток, принципиален в зависимости от суммы и, безусловно, один из самых влиятельных людей в магической Англии. Из тех, кто одним жестом может разрушить судьбу целого поколения. Проверено не один раз.

Эйрин Лэнгтон — главный редактор Ежедневного Пророка, все еще остающегося главным рупором Министерства. Умна, любопытна и до гроба верна государству — идеальный кандидат на этот пост.

Бенедикт Грант — президент Международной конфедерации магов, бывший коллега Кингсли и его ближайший товарищ. Хитрый, умеющий стойко отстаивать позицию и принимать на себя удар. Он мастерски вел переговоры и находил аргументы для несогласных в черных папочках, предоставляемых ему Авроратом.

Элита.

— Гермиона Грейнджер, — раздался бас, переключивший внимание Гермионы на морщинистое лицо бывшего Министра. — Как давно я не наблюдал вас на подобных приемах.

Губы Гермионы растянулись еще шире, и она очень надеялась, что навыки эмпатии Фаджа заканчивались на считывании эмоций с лица своего домового эльфа, поэтому он не заметит насколько неестественным было ее подобие улыбки.

— Мистер Фадж, рада вас видеть. В последнее время многочисленным празднованиям я предпочитаю работу в лаборатории.

— Но сегодня — особенный день, — не преминул вставить свое мнение Бруствер. — Даже Гермиона не смогла пропустить такой повод.

Грейнджер чуть сузила глаза и устремила на него внимательный взгляд.

— Не смогла.

Повисла неловкая многозначительная пауза. Немой диалог, который скорее всего понимали все присутствующие, ведь громогласная речь Министра перед журналистами о том, какой неоценимый вклад в это решение внесла Гермиона, поставила ее в отвратительное положение. Положение, когда отсутствие на приеме вызвало бы однозначное непонимание.

И все знали, что он поступил так специально.

— Что бы ты ни думала, Гермiona, ты сделала для сегодняшнего дня гораздо больше, чем подавляющая часть присутствующих.

Ага, стала вечным символом этого государства с вьевшейся на лбу печатью «Главная маглорожденная магической Англии».

Казалось, Кингсли понимал, что перегибает палку с всесторонним давлением, но не мог позволить себе потерять ее поддержку. Она была ядром его политики. Была практически той, на ком он построил свою карьеру. Так что да, очевидно, что она действительно сделала для сегодняшнего дня гораздо больше, чем остальные. Для его дня.

Гермiona коротко кивнула и повернулась к Бенедикту, с которым она изредка пересекалась на совместных совещаниях с Отделом Магического Правопорядка.

— Как дела на международной арене, мистер Грант?

Бенедикт вздернул бровь, но вопросу не удивился.

— Если говорить кратко, то мир немного шокирован тем, что мы довели дело до конца. Но они придут в норму, как только перестанут видеть в этом какой-то подвох для себя.

— Не сказать, что они не правы в своих опасениях.

— Люди всегда боятся глобальных перемен, Гермiona, вне зависимости от их резуса.

Его поучительный тон раздражал, и Грейнджер сделала неоправданно большой глоток из бокала, отводя взгляд.

— Именно поэтому так важно передать правильную позицию в нашей газете, чтобы вселить в народ чувство уверенности в завтрашнем дне, — наконец-то вставила свой комментарий Эйрин, доселе нетерпеливо покусывающая губы от желания влезть в разговор.

— Никто и не спорит, что информация — это сила, миссис Лэнгтон. — Снисходительная улыбка отразилась на лице Гранта. Он не воспринимал эту женщину всерьез. — Главное уметь правильно ее подать. Но, насколько я помню, у вас с этим никогда не возникало проблем.

— Это легко, правда говорит сама за себя. Но в то же время...

Гермиона отключилась от разговора из-за взгляда. Пристального взгляда. Такого, от которого пробегает холодок по позвоночнику, почти неуловимый, пропитанный пугающим интересом и настойчивым ожиданием.

Медленно пробираясь глазами через многочисленные лица, она увидела его, стоящего особняком среди остальных, виновника своего беспокойства.

Люциус Малfoy. Это имя не нуждалось в представлении. Его ненавидели, хаяли за глаза, перемывали кости в лондонских гостиных, но были вынуждены сжимать зубы и улыбаться при встрече, ведь несмотря на три года, проведенные под домашним арестом, его финансирование обеспечивало половину Министерства. Чего у Малфоев было не отнять, так это умения зарабатывать деньги и выкручиваться из любых, можно сказать, самых паршивых ситуаций... А еще он был отцом ее лучшего друга.

Лицо Малфоя почти не выражало эмоций, и она бы не обратила на него внимания, если бы не глаза. Цвета свинцовых туч. Но сегодня они будто сверкали, обычная тяжесть уступила место чему-то, что Гермиона никак не могла уловить. Чему-то сродни предвкушению. Будто он ждал, что сейчас закончится выступление конференсье, и начнется действие. Будто он что-то знал.

Промелькнула довольная ухмылка, и она спешно отвернулась. Почему он доволен, было непонятно. Возможно, ему просто доставляла удовольствие атмосфера пикантного лицемерия среди присутствующих или что-то, о чем ей лишь предстояло узнать. Она предпочла думать, что причина заключается в ней, а точнее в том, что Люциусу удалось выбить ее из колеи, и он искренне этим наслаждался.

— ...никто не говорил, что обособление будет быстрым процессом, и мы все будем входить в положение друг друга, но это не означает какую-либо лояльность к невыполнению договоренностей... — Кингсли как раз заканчивал предложение, когда позади появилась фигура министра магии Шотландии, Грегора Уолша.

— Кингсли! — его оклик заставил Бруствера развернуться и придать лицу максимально дружелюбное выражение. — Спасибо за фуршет, но нам пора возвращаться на родину.

— Конечно. Не смею вас задерживать. — Крепкое рукопожатие и слащавые улыбки на камеру. Все знали правила игры.— Буду надеяться на активное сотрудничество.

Уолш рассмеялся столь открыто, словно это было по-настоящему. Ни унции фальши. Если он всегда так смеется, то Гермиона определенно отдала бы ему свой голос на выборах.

— Согласен. И на крепкую дружбу.

— Дружба существует в зависимости от принимаемых нами решений. — Бруствер ухмыльнулся кончиками губ, делая очаровательно увесистый намек на то, как будут строиться теперь дела.

— И мы несомненно постараемся ее сохранить...

— Я рад.

— ...только не в ущерб своим гражданам.

Легкое напряжение на уровне линии электропередач. Грегор оказался не тем, кого можно было продать, не прилагая к этому никаких усилий, но Кингсли был абсолютно спокоен, словно знал итог наперед.

— Приоритеты — это самое важное, Грегор. Главное — правильно их расставить.

<http://tl.rulate.ru/book/81275/2509747>